

CHRONICLE
Reviews
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
Рецензии

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(479.24) + 930.2

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-3-545-562>

**Деконструируя жизнь главного конструктора
азербайджанской истории.**

[Обзорная рец.:] Crombach S. Myth-Making and Nation-Building. Ziia Buniatov and the Construction of the Azerbaijani Past. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2023. 258 pp.

Вадим Михайлович Муханов

*Институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова
РАН, Москва, Россия, vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>*

Аннотация. Статья является обзорной рецензией на монографию голландской исследовательницы Сары Кромбах «Мифотворчество и нациестроительство. Зия Буниятов и конструирование азербайджанского прошлого». В своей книге С. Кромбах подробно рассматривает как жизненный, так и научный путь крупного историка и организатора востоковедения в Азербайджане Зии Мусаевича Буниятова и приходит к выводу о том, что в современном Азербайджане сформирован гигантский миф вокруг этой фигуры. Автору исследования удалось развенчать этот миф или даже целую группу мифов, сложившуюся вокруг этой действительно неоднозначной персоны, и показать реальный портрет азербайджанского академика.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Азербайджан, Армения, Зия Буниятов, Сара Кромбах

Для цитирования: Муханов В. М. Деконструируя жизнь главного конструктора азербайджанской истории. [Обзорная рец.:] Crombach S. Myth-Making and Nation-Building. Ziia Buniatov and the Construction of the Azerbaijani Past. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2023. 258 pp. *Ориенталистика*. 2025;8(3):545–562. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-3-545-562>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Муханов В. М., 2025
© Ориенталистика, 2025

Deconstructing the life of the chief architect of Azerbaijani history.

[Book Review-article on:] Crombach S. *Myth-Making and Nation-Building. Ziya Buniatov and the Construction of the Azerbaijani Past*. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2023. 258 pp.

Vadim M. Muhanov

Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>

Abstract. This article is a review of the monograph “Myth-making and Nation-Building: Ziya Buniatov and the Construction of the Azerbaijani Past” by Dutch researcher Sarah Crombach. In his book, S. Crombach examines in detail both the life and academic career of Ziya Bunyadov, a prominent historian and organizer of oriental studies in Azerbaijan, and concludes that a gigantic myth has formed around this figure in modern Azerbaijan. The author of the study managed to debunk this myth, or even a whole group of myths that has grown up around this truly controversial figure, and reveal the true portrait of the Azerbaijani academic.

Keywords: South Caucasus, Azerbaijan, Armenia, Ziya Buniatov, Sarah Crombach

For citation: Muhanov V. M. Deconstructing the life of the chief architect of Azerbaijani history. [Book Review-article on:] Crombach S. *Myth-Making and Nation-Building. Ziya Buniatov and the Construction of the Azerbaijani Past*. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2023. 258 pp. *Orientalistica*. 2025;8(3):545–562. (In Russ.). <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2025-8-3-545-562>.

После событий последних лет на Южном Кавказе обращение к прошлому вполне объяснимо. В столь взрывоопасном регионе важно уяснить причины и предысторию межэтнических конфликтов. Это позволяет лучше понять их текущее состояние и жизнь этнических обществ в независимых республиках, основывающихся в своих ценностных ориентирах на национальные истории и идентичности, сформировавшиеся в 1980–1990-е гг. Роль местных интеллектуалов в создании национальных идентичностей крайне велика, о чем свидетельствует эта книга.

Стоит вспомнить, как на волне обретения независимости и национального возрождения к власти в закавказских республиках приходили представители научной или творческой интеллигенции. В Азербайджане первым пре-

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

зидентом и лидером Народного фронта Азербайджана (НФА) стал диссидент и арабист Абульфаз Алиев (Эльчибей), в Армении — один из лидеров карабахского движения востоковед Левон Тер-Петросян, в Грузии — диссидент и писатель Звиад Гамсахурдиа. В Абхазии на волне национально-освободительного движения во главе маленькой республики, защищавшейся от грузинской агрессии, встал специалист по древнему Востоку Владислав Ардзинба, долго работавший в московском Институте востоковедения и защитивший докторскую диссертацию в Тбилиси.

Автор справедливо полагает, что основу национализма (с четкой формулировкой национального прошлого, возможно более древнего, и понятной схемой этногенеза) вместе с набором национальных мифов и образов во многом заложила местная научная интеллигенция, в первую очередь — историки. Их профессиональная деятельность имеет решающее значение в процессе конструирования национальной идентичности (с. 3). Трудно не согласиться с этим основополагающим тезисом Сары Кромбах. Зачастую отдельные исторические личности, востребованные нацией, превращаются в мифологизированных национальных героев.

Оба эти тезиса она обосновывает на примере научной биографии советского и азербайджанского востоковеда и общественного деятеля З. М. Буниятова. В основу книги положена кандидатская историческая диссертация (Ph. D.), защищенная в Амстердамском университете под научным руководством профессора Михаэля Кемпера (2019). Сара Кромбах подчеркивает, что избранный ею ученый не только создавал национальные мифы, но и сам был мифологизирован, иными словами — одновременно был и субъектом, и объектом националистического воображения (с. 3).

Важность обращения именно к фигуре Буниятова автор объясняет тем, что в советском послесталинском Азербайджане сложно переплетались занятие историей и политикой, причем научная деятельность строго подчинялась интересам партийно-государственного аппарата. Для подобного исследования идеально подходит Зия Мусаевич Буниятов (1923–1997) — участник Великой Отечественной войны, закончивший ее со звездой Героя Советского Союза, академик АН АзССР, со временем превратившийся в главного авторитета по древней и средневековой истории Азербайджана, основоположника современного канона истории азербайджанского народа. Он стал одним из немногих людей, которые должны были обеспечить Азербайджану прочную и аргументируемую позицию в остром противоборстве с Арменией в боях за историю, обосновав тем самым территориальные претензии режима Алиевых. Именно академик Буниятов стоял у истоков национальной историографии Азербайджана, которая была окончательно оформлена в работах 1990-х гг., став столь необходимой интеллектуальной базой для политического руководства страны во главе с Гейдаром Алиевым. По справедливому замечанию Сары Кромбах, научная и организационная деятельность Буниятова хорошо показывает, как история становится жертвой националистического бума в одной отдельно взятой стране.

Автор ставит перед собой весьма амбициозную цель, включающую три взаимосвязанные друг с другом задачи. Через фигуру крупного советского

и азербайджанского историка-востоковеда она предлагает обсудить его научный цех (советское востоковедение), его же (советскую и постсоветскую) эпоху / эпохи, и, наконец, родную страну, точнее — страны (Советский Союз и независимый Азербайджан).

Автор разбирает советскую эпоху, некоторые общие практики и реалии ее жизни, затрагивает интересную тему становления и развития советского востоковедения, его прикладного значения у партийно-государственной элиты Союза, потом переходит к реалиям позднесоветского и постсоветского Кавказа, жизни ученого в современном Азербайджане, его зависимости от властей республики. Касаясь этих разных, на первый взгляд, сюжетов, Кромбах обнаруживает четкую причинно-следственную связь в создании национальных мифов на постсоветском Кавказе, в первую очередь, в Азербайджане советскими учеными со старым авторитетом, полученном ими в разных сферах жизни СССР. Таким образом, в центре ее исследовательского интереса оказывается роль и ответственность сообществ историков и востоковедов за создание национальных историй и идеологий, которые зачастую стали катализатором роста межэтнической напряженности и привели к длительным и кровавым конфликтам, в том числе на Кавказе.

В объективе ее исследования оказываются завязка и начальный этап армяно-азербайджанского конфликта, характерного для региона (не будем забывать, что похожая тенденция наблюдалась на всем постсоветском Кавказе — рядом вспыхнули грузино-абхазский и грузино-югоосетинский конфликты, север региона опалили осетино-ингушский и чеченский конфликты).

При первом знакомстве с книгой возникает логичный вопрос: почему автор из далекой Голландии так увлекся узкоспециальной темой, что провел по ней многолетнее исследование, вылившееся в отдельную монографию? Кромбах признается, что ее первый интерес к региону был связан с личным опытом. Она работала в Баку с жертвами нагорно-карабахского конфликта (беженцами или вынужденными переселенцами), и это стало ее первым знакомством с Азербайджаном, открыло ей глаза на разрушительные последствия этнических конфликтов и пробудило желание внести свой вклад в понимание этих конфликтов. По ее оценке, взаимное недопонимание и враждебность за последние годы никак не уменьшились, а только выросли. Поэтому она искренне пытается не только серьезно изучить советскую и постсоветскую национальную историографию, но и содействовать лучшему пониманию причин и динамики подобных конфликтов в обществе.

Сара Кромбах посчитала малопродуктивным писать еще одну версию истории межэтнических конфликтов Кавказского региона. Вместо этого она решила включиться в дискуссию об азербайджанском прошлом и формировании научных знаний о нем, что и послужило отправной точкой исследования по анализу взаимосвязей между политикой, национализмом и наукой в республике.

* * *

В своей книге С. Кромбах пошагово проследживает эволюцию взглядов Зии Буниятиова и стремительный взлет его академической карьеры. Начав свой

жизненный путь простым советским востоковедом, правда, с некоторыми привилегиями, он постепенно превратился в крупного азербайджанского историка, ставшего одним из главных идеологов правящего режима в Азербайджане. Через фигуру Буниятова автор пытается показать как эволюцию советского востоковедения, зачастую использовавшегося властями в прагматических целях, так и формирование национальных научных школ в Азербайджане, т. е. конструирование национального исторического дискурса, позволяющего местной властной элите формировать и защищать свои территориальные и политические претензии, консолидировать нацию под своим началом (а тем самым и понять степень ответственности местной научной элиты в развязывании кровавых межэтнических конфликтов на примере Нагорного Карабаха).

Книга во многом основывается на методике устной истории. В Азербайджане Кромбах собрала множество интервью. Несмотря на заметную субъективность, порою пристрастность, это хороший источник для уточнения биографии главного героя, определенных нюансов его общественно-политической или научной деятельности (особенно в советскую эпоху, когда многие темы были невозможны для печати). Это помогло автору очистить образ Буниятова от легенд, созданных вокруг него в Азербайджане в последние десятилетия (в том числе, с помощью родных и близких академика). В интервью коллеги и ученики Буниятова критикуют ученого. В результате получается картина, резко отличающаяся от официального канона, рисующего его героическим борцом за нацию (с. 201).

Голландская исследовательница приходит к выводу, что вся биография и научная карьера Буниятова соткана из мифов, из которых вырастает общий миф о крупном ученом и незаурядном общественном деятеле. Кромбах последовательно вычленяет эти мифы и деконструирует их, будь то несуразности в советской и военной биографиях героя, или обвинения в фальсификации средневековой и новой истории Кавказского региона, и в особенности Азербайджана.

* * *

Четкая структура книги помогает автору успешно решить все поставленные перед ней задачи. Ее первая часть прослеживает жизненный путь и научную деятельность Буниятова с его первых шагов как человека, ученого и политика до падения советской системы в конце 1980-х гг. Последнее десятилетие жизни академика — 1987–1997 гг. — рассматривается в третьей части книги. Здесь показано превращение академического советского ученого в яркого азербайджанского националиста и непримиримого критика армянской политики в прошлом и настоящем.

Автор книги пытается максимально очистить биографию Буниятова от множества неточностей, легенд и откровенных мифов. Следует отметить, что образ азербайджанского классика оброс легендами уже ко времени его возвращения в Баку после окончания учебы в Московском институте востоковедения (МИВ). Кромбах обоснованно ставит под сомнение целый ряд фактов из военного и послевоенного периодов жизни будущего академика. Сравнительный анализ текстов автобиографии героя, воспоминаний людей

из его ближнего круга и более беспристрастных современников из разных страт общества включая академическую среду позволяет исследовательнице законно усомниться в некоторых «выдающихся» моментах жизни Буниятова.

Она справедливо отмечает, что автобиографическое повествование военного времени нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. К числу его наиболее сомнительных эпизодов следует отнести пребывание в штрафбате, командование 123-й отдельной штрафной ротой 5-й ударной армии на 1-м Белорусском фронте, подвиги в Берлине 1945 г. Сомнительным до неправдоподобия представляется шлейф диссидентства, вошедший в посмертную биографию Буниятова. Его легендарность обнаруживают свидетельства известных диссидентов советского времени (И. М. Фильштинского и др.), цитируемые Кромбах. Похоже, будущий академик вел себя весьма осторожно, никогда не принадлежал к числу послевоенных советских диссидентов и даже старался особо не общаться с ними, поддерживая свое реноме ортодоксального советского героя и верного коммуниста-ленинца.

Выстраивая каркас биографии академика по книге воспоминаний его вдовы «Зия — моя судьба», Кромбах демонстрирует, что эти мемуары представляют одну из базовых основ мифа о Буниятове. Она сразу выделяет в них ряд далеких от реальности моментов, которые вызывают у нее сомнение в своей истинности.

Первый миф о чисто азербайджанском происхождении нашего героя довольно просто рушится при знакомстве с его родителями. Оказывается, что отец основоположника азербайджанской историографии и одного из создателей национальной азербайджанской идентичности, был кем угодно, но только не азербайджанцем. По некоторым сведениям, он имел талышские корни. Мать же его родилась в Ленкорани в семье русских молокан. Важно отметить, что отец Зии Буниятова был кадровым военным, служил как в царской, так и советской армии. Он был востребованным переводчиком, в частности, прекрасно знал арабский язык, при помощи которого и его сын зарабатывал хлеб свой насущный значительно позднее.

Другое характерное для той эпохи искажение биографических данных: Буниятов подделал документы о рождении, прибавив себе два года, чтобы поступить в Бакинское военное училище. По документам, он родился в 1921 г., на самом же деле — в 1923-м. Как известно, в ту эпоху, предвоенные и военные годы, многие увеличивали себе возраст, меняя дату рождения, дабы попасть в армию и на фронт. Представившись 18-летним юношей, когда он был только 16-летним подростком, Буниятов смог поступить в училище, которое закончил перед самым началом Отечественной войны, в мае 1941 г. (т. е. встретил тяжелую войну, в отличие от многих сверстников, с полноценной военной подготовкой и в офицерском звании — лейтенантом).

Следующий миф, скорее блок биографических мифов, выявленных Кромбах, — это судьба будущего академика в военное время и первые мирные годы. Буниятов не оставил личных воспоминаний о войне, написав в соавторстве книгу «От Кавказа до Берлина» (показательно, что она вышла только в 1990 г., уже на излете советской эпохи, но главное, не содержит сведений о его личном участии в войне) [Буниятов, Зейналов, 1990]. При этом извест-

но, что он непосредственно участвовал в боях за Кавказ, был дважды ранен и награжден четырьмя боевыми орденами.

Во второй половине 1944 г. Буниятов был переведен в один из штрафных батальонов. С. Кромбах справедливо замечает, что «этот эпизод полностью овеян мифами. Он — самый загадочный в военной биографии Буниятова» (с. 41). Согласно официальной версии, ретранслированной его вдовой Тагирой Буниятовой, Зия не выполнил приказа вышестоящего начальника, из-за чего между ними произошла драка, в результате которой последний был ранен или даже убит. За это Буниятов и попал в штрафбат, хотя такое явное нарушение субординации, как правило, оканчивалось трибуналом и даже расстрелом. Он был назначен командиром 123-й штрафной роты и должен был занять и сохранить (в ходе Висло-Одерской операции) заминированный мост через р. Пилица. Задача была выполнена, невзирая на страшные потери (из 670 штрафников остались в живых только 47) (с. 43). По словам Буниятова, он сражался наравне с солдатами и был простым штрафником. За это сражение в начале 1945 г. он и получил Звезду Героя.

Однако Кромбах ставит под сомнение этот темный случай. Оказывается, Буниятова не лишили звания капитана гвардии и он был командиром роты, а не простым штрафником. Показательно, что он недолго оставался в штрафбате. Все это позволяет предположить, что его назначили командовать штрафниками либо из-за нехватки командиров штрафных частей, либо из-за мелкого проступка и только на время операции, для решения конкретной задачи, так сказать, усилили, командный состав (с. 44).

С мая 1945 по май 1946 г. Буниятов служил заместителем военного коменданта берлинского района Панков. Именно в это время он и принял судьбоносное решение: несмотря на все шансы успешно продолжить военную карьеру бросить ее и пойти учиться на востоковеда. По мнению автора, показателен сам выбор учебного заведения, так как МИВ — это престижная в то время школа востоковедения, готовившая скорее партийных работников для советского МИДа, чем классических ученых.

Создание и распространение подобных историй об участии в Отечественной войне, а также различных слухов о молодости нашего героя сыграли важную роль в формировании репутации Буниятова как стойкого и самоотверженного патриота, ради справедливости не боявшегося пойти на конфликт с властью. Перевод в штрафбат и последовавшая награда звездой Героя Союза стали решающими факторами, способствовавшими мифотворчеству вокруг его фигуры. Шлейф героя сопровождал его в Москву и с ним же вернулся в Баку.

Отдельное внимание автор книги уделяет важному периоду учебы будущего востоковеда в МИВ. Здесь Буниятов познакомился со своей будущей женой — Тагирой Курбановой. В 1947 г. еще студентами они создали семью, а в 1948 г., до окончания учебы, у них родился первенец Джамиль. База для научной карьеры создавалась именно в это время, за счет круга однокурсников, учителей, младших и старших коллег. В продвижении по карьерной лестнице нашему герою немало помог влиятельный профессор-арабист Е. А. Беляев. Помимо З. Буниятова, у него учились известные в будущем совет-

ские арабисты Е. Примаков, Р. Ланда и др. Под руководством Беляева Бунятов закончил аспирантуру МИВ и в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию «Итальянский империализм в Африке».

Кромбах разбирает связи Бунятова в академической среде, очерчивает круг его общения в столице, где в числе однокурсников и близких коллег особенно выделялся Е. М. Примаков. С последним Бунятов поддерживал теплые дружеские отношения вплоть до своей гибели. Они постоянно общались как директора одноименных академических институтов — ИВ АН СССР (Примаков) и ИВ АзАН (Бунятов). В карьере немало помогли и его родственные связи: мужем сестры жены был маршал Советского Союза Н. Ф. Шестопалов, весьма влиятельный в ту эпоху человек.

После защиты кандидатской диссертации Зия Бунятов не остался в Москве, не перебрался в другой знаковый востоковедный центр — Ленинград, а вернулся в Баку вместе с молодой семьей. Это показательно, ведь многие его сокурсники с радостью бы остались преподавать и заниматься наукой в столице. Его вдова объясняет этот поступок развитым чувством патриотизма у своего мужа (с. 57). Однако ближе к истине кажется более простое объяснение: после получения качественного высшего образования в Москве и Ленинграде национальные кадры зачастую возвращались в родные республики и автономии, не выдерживая высокой конкуренции в столичных городах и отлично понимая, что будут иметь преференции на родине с московским или ленинградским дипломом (а в случае Бунятова — еще и со званием Героя Советского Союза) (с. 57). Действительно, как показывает Кромбах, возвращение в Баку в качестве молодого специалиста позволило сделать быструю и успешную карьеру: помимо работы в академическом учреждении (Институте истории зарубежных восточных стран), он сразу начал преподавать и в Азербайджанском государственном университете.

Еще один крайне показательный момент — Бунятов перестал заниматься новейшей историей, которую изучал в столице (в частности, бросив тему буржуазного колониализма на Ближнем Востоке), и перешел на совершенно иные темы, ставшие его визитной карточкой и более востребованные на родине. Он стал специализироваться на древней и средневековой истории Азербайджана. Первые научные работы были написаны им в Баку, но потом он отправился в длительную научную командировку в Ленинград (для работы в библиотеках и архивах, не говоря про стажировку в ЛО ИВ АН). Именно в ходе этой поездки он окончательно переключился на историографию и источниковедение прошлого своего народа на основе рукописных источников (тем более, что Ленинградское отделение ИВ АН СССР славилось богатой рукописной коллекцией, в которой были первоисточники и по Восточному Закавказью).

Здесь же Бунятов столкнулся с первой серьезной критикой своих научных работ (в частности, со стороны авторитетного ираниста и исламоведа И. П. Петрушевского). Некоторые азербайджанские ученые (ученики Бунятова) объясняют это сильным «проармянским лобби» в востоковедении Ленинграда, однако убедительных свидетельств тому не приводят. Бунятов собрал в Ленинграде необходимый материал, но не стал защищать там докторскую диссертацию, а организовал защиту в головном институте

ИВ АН СССР в Москве. После этого он вернулся в Баку с готовой научной работой «Азербайджан в VII–IX веках» (одноименная монография вышла в Баку в 1965 г. [Буниятов, 1965]).

После защиты докторской в середине 1960-х гг. З. Буниятов стал ведущим специалистом в родной республике по средневековой истории Азербайджана. Стремительный взлет по карьерной лестнице занял всего десятилетие (при том, что на всю академическую карьеру ему потребовалось 17 лет): в 1964 г. он стал профессором и заведующим только что созданного Центра истории и экономики арабских стран Института востоковедения в Баку (возглавлял его до 1981 г.); в 1967 г. — членом-корреспондентом АН АзССР; в 1970 г. — главным редактором серии «Общественные науки» Известий АН (журнал АН АзССР, который курировал его институт); в 1976 г. — членом редакционного совета Азерб. Советской энциклопедии; в 1981 г. — директором Института народов Ближнего и Среднего Востока (так назывался Институт востоковедения до 1984 г.); в 1982 г. — почетным деятелем науки АзССР. Именно в этот период окончательно сформировался имидж Буниятова как крупного советского ученого и — одновременно — защитника самостийности и древности азербайджанского народа, которую в 1980-е гг. он стал рьяно защищать от нападок армянских ученых и общественников.

* * *

Второй раздел книги анализирует научные работы Буниятова, написанные в советское время, до прихода к власти в СССР М. С. Горбачева, т. е. до середины 1980-х гг. (точнее, до 1987 г., когда в регионе началось открытое армяно-азербайджанское противостояние). 1987 год автор выделяет особо. Кромбах полагает, что именно с этого года азербайджанская историография окончательно стала на откровенно агрессивные националистические позиции.

Главный тезис Буниятова этого периода заключался в том, что Азербайджан — это подлинный и единственный наследник Кавказской Албании. Начиная с 1960-х гг., он целенаправленно удревляет историю Азербайджана, привязав его к Албанскому царству и азербайджанируя мусульманские и христианские политические владения, существовавшие на территории республики в Средние века и Новое время. В этот период он много занимается переводами древнеармянских хроник со сделанных ранее русских и английских переводов на основе произвольно толкуемых им комментариев своих предшественников — армянских и английских ученых. Именно в этих публикациях, изданных под редакцией Буниятова, еще в советское время было обнаружено множество купюр, искажений и фактологических ошибок.

Ожесточенная дискуссия Буниятова с армянскими учеными развернулась после выхода в свет его монографии, написанной на базе докторской диссертации [Буниятов, 1965]. Рецензия на книгу и статьи с откликами на нее выявили множество ошибок и сознательных описок Буниятова. Уже в это время в литературе появилось специальное обозначение для подобного вида фальсификаций национальной истории, окрещенное в честь Зии Мусаевича

«буниятовщиной». Под ним стали понимать деятельность недобросовестных востоковедов-текстологов, искажавших смысл источников и произвольно подгонявших их под собственную политически ангажированную концепцию.

Сара Кромбах не пощадила ни книгу 1965 г., ни докторскую диссертацию Буниятова. По ее мнению, последняя во многом носит компилятивный характер и содержит множество заимствований из других его более ранних работ и заявлений, основанных на сомнительных переводах источников. Она считает, что эти научные сочинения вошли в классику азербайджанской исторической мысли не из-за высокого научного уровня и поддержки коллег, а по конъюнктурным соображениям. Они льстили национальной гордости азербайджанцев (с. 112).

Ученики Буниятова (Фарида Мамедова, Наиль Велиханлы и др.) вслед за учителем обосновывали принадлежность современному Азербайджану средневековой Кавказской Албании и других земель Закавказья. Кромбах разбирает их работы, показывая степень влияния на их дальнейшее научное творчество взглядов учителя. Так, Фарида Мамедова включила в Кавказскую Албанию выделившийся намного позднее Нагорный Карабах и тем самым символически вернула эту территорию в состав Азербайджана через историографию (с. 102). Показательно, что в советское время Мамедова не сумела защитить кандидатскую диссертацию в Ленинградском отделении общесоюзного Института востоковедения. Ей пришлось дожидаться прихода эпохи азербайджанской независимости, когда ее националистические симпатии стали востребованными, что позволило ей с легкостью защититься в Баку.

В целом Кромбах нарисовала цельную картину научной биографии (и трудов) Буниятова, показывая как развитие его взглядов на историю, так и тематический репертуар кейсов, которыми он занимался в советское время. Она также рассматривает расширение области его научных интересов в конце 1980-х — начале 1990-х гг., реакцию на критику с армянской стороны. Буниятов отвечал на некоторые армянские работы того времени, в частности, на замечания в книге Зория Балаяна «Очаг» (в которой заявлены армянские территориальные претензии на Карабах, Нахичевань и район р. Аракс). В очередной раз Буниятов показал себя здесь адвокатом азербайджанского присутствия в регионе.

Ярким примером его деятельности того периода служит сборник статей «Историческая география Азербайджана» (1987), своеобразный ответ азербайджанских ученых на территориальные претензии с армянской стороны [*Историческая география ...*, 1987]. Книга также содержит обоснование требований признать азербайджанскими обширные территории Закавказья и сопредельных регионов, попытки вписать в историю национальной государственности политические образования Древности и Средневековья. Примечательно, что именно Буниятов собрал и курировал данный сборник. Эта небольшая книжка стала первым опытом написания исторической географии Азербайджана как единого национального государства (в Армении и Грузии эта вспомогательная историческая дисциплина уже давно существовала). В результате было создано единое историческое полотно территориального развития Азербайджана от Раннего Средневековья до конца XVIII столе-

тия. Тексты этого тома в скором времени были подхвачены общественным мнением и политическим руководством республики.

Изучение развития взглядов Буниятова на национальную историю помогает понять, как он конструировал и приукрашивал картину прошлого Азербайджана, отходя от общепринятых научных взглядов своих советских и зарубежных предшественников и коллег. То, что прежний канон создавался при заметном участии армянских ученых, по убеждению Буниятова, существенно искажало древнее азербайджанское прошлое. Его не удовлетворяли и принятые в академической науке установки о том, что азербайджанский народ сложился на Кавказе из смешения переселявшихся сюда в древности и средневековье племен (и потому не был коренным!), что азербайджанцы — лишь наследники бывших кочевников, не имеющие славной истории сильных государств и национальной культуры, в отличие от своих грузинских и армянских соседей.

Доказать обратное стало основной целью научных работ Буниятова, начиная с его первой статьи 1950-х гг. до публикаций конца 1980-х. Его творчество было заточено под историческую легитимацию принадлежности азербайджанской нации всей территории Азербайджана, обоснование тождества между древней Албанией и современным Азербайджаном. Согласно такому представлению, современная территория АзССР была частью древнего «исторического Азербайджана», куда включались также Дагестан, значительная часть современных Грузии, Армении и Ирана. В том же ключе Буниятов ориентировал работу собственной научной школы историков-востоковедов, которая сформировалась как раз к 1980-м гг.

Вторым направлением его работы стал критический разбор армянских хроник с разоблачением их содержания. По его смелой, но безосновательной гипотезе, большинство армянских хроник написано на албанском языке и не являются армянскими. Таким образом он решал сразу несколько задач. Во-первых, демонстрировал, что азербайджанская культура развита не менее армянской, что и у нее есть собственный язык, письменность и книжная литературная традиция с историографией. Во-вторых, опровергал принадлежность Кавказской Албании к древней Армении, представление о том, что наследником албанской культуры являются современные армяне. В-третьих, доказывал, что Албания была сильным и единым государством, уничтоженным соседями.

Буниятов практически подарил Азербайджану сконструированную им с учениками многовековую историю и привязал корни азербайджанской нации и государственности как правопреемника древней Албании к Кавказу. Он доказывал, что этногенез азербайджанцев в действительности произошел намного раньше массового вторжения на Кавказ тюркских племен в XII в., как думали ранее. Эта тема оказалась крайне важной как в политическом, так и в научном контексте. Азербайджан, согласно Буниятову, есть прямое продолжение Албанского государства, сменившего много названий, но сохранившегося в течение многих веков, пережив волны завоевателей, включая арабов и иранцев, вплоть до присоединения его территории к Российской империи в начале XIX в. (с. 113). Кромбах подчеркивает, что именно благодаря усилиям

Буниятова и его школы Кавказская Албания из плохо известного государства, исчезнувшего в Раннем Средневековье, обрела плоть и кровь в азербайджанской историографии, несмотря на то что язык и религия, другие маркеры идентичности албанцев давно исчезли и заменились новой религией (исламом), языком (тюркским) и культурой (советской). Изобретение древней азербайджанской государственности Буниятов завершил в трех монографиях об Атабеках и близких им династиях (с. 113).

Как лидер интеллектуальных войн с армянами за историю Буниятов сумел добиться от азербайджанских властей не только значительного финансирования своей деятельности, но и весомой помощи в создании целой школы историков, которая продолжила и расширила его дело. Вместе с тем, по верному наблюдению Кромбах, он неизбежно вышел за рамки допустимого в своем академическом цехе. По ее словам, «Буниятов манипулировал историческими источниками и западными публикациями... «воспитывая новое поколение бакинских историков в духе, ставившем национализм выше академической порядочности» (с. 114).

* * *

Третий раздел книги отведен последнему десятилетию жизни и деятельности Буниятова со второй половины 1980-х по середину 1990-х гг. (вплоть до убийства академика в 1997 г.). Здесь мы видим новую кардинальную трансформацию человека и ученого, его стремительный дрейф от установок советской науки о прошлом в сторону новой национальной, а на деле старой протестной версии истории. Прошлое, которое столь старательно конструировал Буниятов, стало подлинным фундаментом для политиков новой волны, начиная от романтически настроенных молодых националистов из научной и творческой среды и заканчивая опытным партаппаратчиком и мастером закулисной интриги — многолетним лидером советского Азербайджана, ставшим полновластным хозяином республики, Гейдаром Алиевым. Последний, несмотря на ряд разногласий, быстро оценил пользу личности и трудов академика, вернув его на пост директора Института востоковедения, где тот немало помог властям в деле формирования национальной идеологии и обосновании государственных претензий в споре с Арменией, ставшей главным врагом для молодой нации.

Работы Буниятова, как академического характера, так и относящиеся к чистой публицистике, были востребованы политическим истеблишментом республики. Их цитировали, чтобы доказать те или иные территориальные требования к соседям, творчески использовали в дискурсе поисков своего национального прошлого. Буниятов стал не просто одним из ученых молодой республики, но и наиболее рьяным ее апологетом. Его статьи с обвинениями армян в преступлениях в прошлом и настоящем, фальсификации истории региона в свою пользу, отрицание как геноцида армян в начале XX в., так и резни армянского населения между двумя русскими революциями, сделали его идеальным рупором официальных властей Азербайджанской республики.

Много внимания в этой главе уделено историческому контексту поздней научной биографии Буниятова. Сара Кромбах совершенно справедливо пыта-

ется рассмотреть его разнообразную деятельность в связи со столь тяжелым и токсичным общественно-политическим фоном: Первой Карабахской войной, резней и погромами в стране, феерическим взлетом национализма как в Азербайджане, так и у его соседей. Здесь она уже не делит деятельность академика на научную и общественно-политическую, отметив, что с конца 1980-х гг. он осознанно вышел за рамки академической науки, сосредоточившись на обслуживании новой, исключительно националистической идеологии, ставшей основой для строительства независимой азербайджанской государственности.

Кромбах верно определяет время, когда произошел этот поворот. Оно совпадает с началом армяно-азербайджанского конфликта. Именно в 1987 г. советский академик, многие десятилетия выступавший с позиций победителя нацизма и сторонника «дружбы народов», обрушился на соседний народ с обвинениями. Тогда же Буниятов начинает писать острые публицистические статьи для широкой аудитории. Прямое подтверждение тому представляет его статья «Тень Сумгаита» [Буниятов, 1989], вызвавшая эмоциональные отклики как в азербайджанском, так и в армянском обществе.

Характерно, что Буниятов пытался заигрывать с разными националистическими силами, в первую очередь с Народным Фронтом Азербайджана (НФА), стремительно набиравшим вес и популярность внутри республики. По сведениям Кромбах, академик принял участие в борьбе за руководство этой организацией, но проиграл ее радикалам, после чего ему пришлось отойти от сотрудничества с НФА.

В то же время, несмотря на советский бэкграунд, он сохранил влияние на общественное мнение в Азербайджане, став одним из рупоров национал-охранительной идеологии, оказавшейся исключительно востребованной после 1991 г. Несмотря на разногласия с первым президентом Азербайджанской республики Эльчибеем на почве расхождений в понимании прошлого азербайджанцев, Буниятов сохранил свои позиции в научной среде и выпустил ряд новых книг, в которых выступал как автор и составитель. Он поддерживал и требования официального Баку передать азербайджанской стороне Карабах и другие территории Закавказья, играя на своем давнем авторитете знатока древней и средневековой истории Азербайджана.

В угоду изменившейся политической конъюнктуре Буниятов сменил эпоху научных интересов и характер публикаций. Он практически оставил прежние сюжеты из области древней и средневековой истории, переключившись на важные для формирования азербайджанской государственности события бурного XX в. Относительно геноцида армян начала века он начинает давать резкие и предвзятые оценки, обвиняя в насилии армянскую сторону. Символичным стал выпуск под его редакцией книги «История Азербайджана в документах и материалах» [История Азербайджана..., 1990], представляющей собой сборник статей по истории Нагорного Карабаха и Азербайджана в XIX и XX вв. С 1993 г. начинается подготовка первых книг многотомной «Истории Азербайджана». Тогда же произошло изменение тематики «Известий АН АзССР» и переиздание жесткой антиармянской книги русского националиста В. Величко «Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы» (1904).

Уход в политику существенно повысил популярность и авторитет Буниятова, превратив его в одну из самых известных общественно-политических фигур независимого Азербайджана. После 1987 г. из ученого он превращается в бойкого публициста, по своей воле сделав выбор в пользу политической деятельности. Стремительный дрейф Буниятова в этом направлении хорошо заметен из его конкретных статей и выступлений тех лет, скрупулезно проанализированных Сарой Кромбах.

Рецензируемая книга хорошо показывает, как Буниятов становился одним из бенефициариев режима Г. А. Алиева, сначала как первого секретаря ЦК КПАз (1967–1987), а затем лидера независимого Азербайджана. Их длительным и близким отношениям посвящен отдельный параграф третьего раздела книги. Буниятов был полезен Алиеву, который использовал его статус и научный авторитет. Кроме того, по верному наблюдению Кромбах, он был также нужен Алиеву для создания новой азербайджанской идентичности (с. 117). Поддержка Алиева-старшего серьезно помогла Буниятову сделать головокружительную карьеру, особенно в советское время (с. 118).

Второй важнейший сюжет, показательный для понимания перемен в деятельности Буниятова в последнее десятилетие его жизни — это эскалация Карабахского конфликта, породившая новые вызовы со стороны соседней Армении. Все это подтолкнуло Буниятова и других азербайджанских ученых обратиться от древней и средневековой истории к изучению более близкого и все более интересовавшего их исторического прошлого. Его ключевыми событиями стали замалчивавшиеся в советское время острые темы: армяно-азербайджанская резня в начале XX в. и короткий период существования Азербайджанской демократической республики в 1918–1920 гг. Эти новые темы являлись жизненно важными для консолидации нации.

В условиях распада Союза и краха советской идеологии Буниятов включился в разгоравшийся конфликт с соседями по поводу НКАО. Одним из первых азербайджанских историков он бросился на защиту своих этнических интересов, обвиняя во всем соседей. Отправной точкой для его публицистической деятельности стал Сумгаитский погром 1988 г. Автор книги о нем соглашается с немецким историком Михаэлем Корсом в том, что исторические дебаты стали фактически началом межэтнических столкновений. По ее верному наблюдению, «те же самые ученые, которые когда-то служили советскому режиму, теперь подпитывали националистические амбиции. Исторические дебаты были представлены общественности не с целью просвещения людей, а для их мобилизации риторикой ненависти к другим. Это произошло как в Армении, так и в Азербайджане. Статья Буниятова “Почему Сумгаит?” (1988) является ярким примером желания мобилизовать нацию» (с. 133). Буниятов показал себя совестью нации и ярым популистом, обрушившись и на визит в регион академика-диссидента Андрея Сахарова и его супруги Елены Боннер, обвиняя их в проармянских симпатиях и назвав марионетками А. Г. Аганбекяна, экономического советника Горбачева (с. 150–151).

Буниятов стал ярким критиком армянских версий современных событий распада Советского Союза, заявляя, что армяне сами спровоцировали как Сумгаитский погром, так и геноцид начала XX в., утверждая, что геноцид —

всего лишь миф, созданный армянскими националистами для придания своему народу ореола жертвы, которую все обязаны поддерживать (с. 136). Он обвинял в нагнетании обстановки как в конце XIX — начале XX в., так и на современном ему этапе старейшую армянскую партию Дашнакцутюн. Дешаки, дашнаки при поддержке богатой и влиятельной диаспоры и привели регион к кровавому конфликту. Здесь он фактически ретранслировал старую турецкую оценку событий, заключающуюся в том, что в резне виноваты сами армяне, подтолкнувшие османское правительство на репрессии.

Кромбах подчеркивает, что после Сумгаитских событий и своей резонансной статьи Бунятов окончательно перешел к популизму, считая целью работы историка защиту своей нации и ее репутации (с. 138).

Ценность Бунятова как рупора нации и научного авторитета быстро поняли новые руководители еще советского Азербайджана. Показательно, что вскоре после своего назначения 1-м секретарем АзКП Абдурахман Везиров вернул Бунятова на пост директора ИВ в Баку. В 1990 г. его поддержали при выборах на место вице-президента АЗАН. Очевидно, что и старым, и новым властям были нужны авторитетные, а главное — лояльные научные кадры на фоне бунта и бесконтрольного поведения молодого поколения интеллектуалов, сконцентрировавшихся вокруг НФА. Показательно, что лидерами ультранационалистов из НФА также стали востоковеды Иса Гамбар и Абульфаз Алиев (представлявшие более молодое поколение и жаждавшие немедленных перемен).

Доверие широких масс быстро оказалось на стороне НФА, что привело к власти А. Эльчибея, ставшего первым президентом независимого Азербайджана. Новым героем нации стал Ататюрк, была сделана попытка сделать государственным турецкий язык, что закономерно закончилось фиаско. Эльчибей не скрывал своих протурецких взглядов и пристрастий. Он начал проводить политику пантюркизма, сделав базовой идею турецкого происхождения азербайджанцев.

Это вызвало конфликт Бунятова с окружением Эльчибея, согласно утверждениям которого, туркизация Азербайджана началась не ранее XI в., а турки являются древнейшим народом на Кавказе, и только с них начинается азербайджанская история как таковая. Бунятов со своей концепцией азербайджанского этноса как наследника Кавказской Албании не вписывался в изменившуюся конъюнктуру. В НФА академик не закрепился, период дружбы с активистами был кратким, многие из них, будучи сотрудниками Института востоковедения, помнили его тяжелую руку директора (в прямом и переносном смысле).

Временный уход Бунятова со знакового поста директора был связан с политическими играми: в 1991–1992 гг. директором Института являлась арабист Аида Имангулиева, более известная как теща Ильхама Алиева (и мать Мехрибан Пашаевой). Затем Бунятов вернулся на свой старый пост, получив при этом поддержку старшего Алиева (вступив в его партию «Ени Азербайджан»).

Гейдар Алиев после возвращения к власти отказался от протурецкой идеологии и политики пантюркизма, сделав ставку на традиционную идентичность на основе ислама и наследие Кавказской Албании. Таким образом, он

обратился к программе, уже давно разрабатываемой Буниятовым, чьи работы стали серьезным фундаментом новой азербайджанской идентичности и обоснованием славного прошлого, на которые опирался в своей политической деятельности Алиев-старший. Показательно, что в 1990-е гг. Буниятов стал плотно заниматься исламской тематикой и мусульманской составляющей национальной идентичности азербайджанского народа. Первый перевод Корана с арабского на азербайджанский язык был опубликован в 1990 г. в Баку именно Буниятовым совместно с В. Мамедалиевым. Так, парадоксальным образом, убежденный и давний атеист Буниятов стал рекомендоваться в 1990-е гг. специалистом по исламу.

Главным / фактическим автором публикации был арабист В. Мамедалиев. Но Буниятов оседлал эту востребованную в практическом отношении тему и просто добавил свою фамилию на титульном листе издания, занимаясь лишь пробиванием проекта. А настоящий переводчик превратился в соавтора академика (с. 183–184). Буниятов стал фронтмэном издания, а его имя до сих пор ассоциируется с первым переводом Корана на азербайджанский язык. Кромбах аргументированно помещает этот «перевод Корана... в один ряд с другими случаями нарушений Буниятовым этики поведения ученого, хотя в этом случае настоящему автору не заткнули рот, а лишь оттеснили на обочину. Может быть, это и не полный плагиат, Буниятов навязался в соавторы Мамедалиеву, у которого, вероятно, не было тогда другого выбора, кроме как согласиться на эту сделку с влиятельным руководителем азербайджанского востоковедения» (с. 184).

Характерно, что переводами с арабского и исламоведением Буниятов, в отличие от Мамедалиева, больше не занимался. В последние годы жизни он издал под своей редакцией только энциклопедический словарь на азербайджанском языке «Религии. Секты. Религиозные движения», опубликованный в 1997 г.

Сара Кромбах обоснованно выделяет главный жизненный лейтмотив Буниятова. Это — тесное сотрудничество с первыми лицами Азербайджана на разных уровнях власти — от первых секретарей КП АзССР до их преемников в лице президентов независимого Азербайджана. Педантично и в хронологическом порядке автор книги переходит от одного представителя политической власти к другому, изучая связи с Буниятовым и влияние на его административные позиции Г. А. Алиева, А. Х. Везирова и А. Н. Муталибова, затем А. Г. Алиева (Эльчибея) и снова Г. А. Алиева. Мы видим, что делает Буниятов, когда он назначается директором академического института в Баку для закрепления на этом посту. Мы узнаем, при каком секретаре он теряет свои позиции, когда он вновь возвращается в комфортное для него кресло. Убийство Буниятова в 1997 г. превращает его фигуру чуть ли не в чудотворную икону, к которой до сих пор прибегают власти Азербайджана.

* * *

Подведем итоги. В своей книге Сара Кромбах пытается реконструировать жизненный и научный путь крупного историка и организатора востоковедения в Азербайджане Зии Мусаевича Буниятова. Ей удалось проследить за соз-

данием мифа об азербайджанском академике, безупречном советском ученом с ореолом ветерана Великой Отечественной войны и Героя Советского Союза, ставшем патриархом азербайджанской исторической науки, своеобразным законодателем моды в позднесоветское время и непростые постсоветские 1990-е гг. При этом она на деле развенчивает миф, сложившийся вокруг популярной фигуры, опираясь на сравнительный анализ широкого круга источников, привлеченных ею в ходе написания книги. Многочисленные интервью и другие записи устной истории позволяют ей не утонуть в сонме современных материалов чисто панегирического характера, выпущенных в постсоветском Азербайджане, но живо написать реальный портрет Буниятова, представив своего героя со всеми его достоинствами и недостатками, грехами, ошибками, да и просто намеренными случаями фальсификации, плагиата и прямого воровства чужих научных работ. В результате перед читателями предстает совсем другая фигура — советского приспособленца, администратора от науки, занимающегося конъюнктурными проектами по заказу республиканских властей, будь то советские первые секретари КПАз или президенты независимого Азербайджана.

Перед нами классическая работа, выполненная на высоком научном уровне. Это несомненная заслуга как нидерландского историка Сары Кромбах, выполнившей качественное исследование о Буниятове и последствиях его научной и общественно-политической деятельности в советском и постсоветском Азербайджане, так и ее научного руководителя — профессора Амстердамского университета авторитетного востоковеда Михаэля Кемпера, чью руку мы тоже видим в текстах рецензируемой книги.

Список литературы

1. Буниятов З. М. *Азербайджан в VII–IX веках*. Баку: Изд. АН АзССР, 1965 [Buniyatov Z. M. *Azerbaijan in the 7th — 9th centuries*. Baku: Publishing House of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1965 (in Russian)].
2. Буниятов З. М. Почему Сумгаит? *Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Сер.: История. Философия. Право*. 1989. № 2. С. 115–121 [Buniyatov Z. M. Why Sumgait? *News of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Series: History. Philosophy. Law*. 1989. No. 2, pp. 115–121 (in Russian)].
3. Буниятов З. М., Зейналов Р. Э. *От Кавказа до Берлина*. Баку: Азернешр, 1990 [Buniyatov Z. M., Zeynalov R. E. *From the Caucasus to Berlin*. Baku: Azerneshr, 1990 (in Russian)].
4. *Историческая география Азербайджана. Сборник статей*. Гл. ред. и автор предисл. З. М. Буниятов. Баку: Элм, 1987 [Historical Geography of Azerbaijan. Collection of Articles. Ed.-in-Chief, Introd. Z. M. Buniyatov. Baku: Elm, 1987 (in Russian)].
5. *История Азербайджана по документам и публикациям*. Сборник. Под ред. З. М. Буниятова. Баку: Элм, 1990 [History of Azerbaijan from Documents and Publications. Collection. Ed. by Z. M. Buniyatov. Baku: Elm, 1990 (in Russian)].

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Муханов В. М. Деконструируя жизнь главного конструктора... [Обзорная рец.:]
Ориенталистика. 2025;8(3):545–562

Информация об авторе

Муханов Вадим Михайлович — кандидат исторических наук, заведующий Сектором Кавказа Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия; vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 28.06.2025; принята к публикации 24.07.2025; опубликована 10.10.2025.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Vadim M. Muhanov — Ph. D. (History), Head of the Caucasus Sector, Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS), Moscow, Russia; vadim_muhanov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7771-8350>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 28.06.2025; accepted for publication 24.07.2025; published 10.10.2025.

The author has read and approved the final manuscript.